

мас. 1299

1899

(Кржи 27 октября). Въ квартирѣ на-
отерскую фабрику товарищества Блокъ, въ Пе-
миловскомъ переулкѣ, по взломѣ замковъ у
входной двери, забрались воры, которые разо-
брали письменный столъ и изъ него похитили
деньги и нѣкоторыя вещи, всего на сумму 108
рублей.

Въ квартиру въ домѣ Глазова, въ Рыковомъ
переулкѣ, купецъ М. Н. Воронинъ, при откры-
тии своей кожаной лавки въ домѣ Глазова,
въ томъ же переулкѣ, обнаружилъ, что она уже
была открыта злоумышленниками, которые про-
никли въ лавку по взломѣ замковъ и похитили
сапожного товара на 108 рублей.

Проживающая въ домѣ Васильевой-Шило-
вой, на Малой Дмитровкѣ, потомственная по-
четная гражданка А. . Караева обнаружила,
что у нея изъ запертаго сарая совершена кра-
жа разныхъ вещей, всего на сумму болѣе 300
рублей.

ПО ТЕАТРАМЪ.

Первое представленіе «Дяди Вани» сдѣла-
ло полный сборъ Художественно-общедоступно-
му театру и собрало многочисленную публику. Это
явленіе, конечно, вполне понятное, въ кото-
ромъ никто и не сомнѣвался. Имя А. П.
Чехова, — какъ литератора, весьма по-
пулярно, оно всегда возбуждаетъ въ публикѣ
и серьезный интересъ, и большія ожиданія. О
постановкѣ «Дяди Вани» говорили давно, со-
ожидали, и если бы Художественно-общедоступ-
ный театръ не былъ такъ миниатюрень и вы-
щаль бы большее число зрителей, публика во-
равно переполнила бы его залъ, желая ознако-
ниться съ новымъ произведеніемъ популярнаго
литератора. «Дядя Ваня» переноситъ насъ въ
деревенскую обстановку и знакомитъ насъ съ
жизнью деревенскихъ обитателей.

Существуетъ на свѣтѣ отставной профес-
соръ Александръ Владимировичъ Серебряковъ,
человѣкъ, которому всю жизнь улыбалось счастье
и который привыкъ быть баловнемъ фортуны.
Онъ женился въ молодости на состоятельной
женщинѣ, которая, умирая, оставила ему дочь
и большое имѣніе. Въ моментъ начала пьесы
Серебряковъ — уже старый человѣкъ, вторично
женатый на молодой и красивой Еленѣ Андре-
евнѣ. Выходя за него замужъ, она увлеклась его
ученостью, его извѣстностью и отдала ему
свою молодую, полную силъ, жизнь. По роду
своей дѣятельности. Серебряковъ жилъ въ
столицѣ, а въ деревнѣ поселились мать первой
жены его, Марья Васильевна Войницкая, ея
сынъ Иванъ Петровичъ — «дядя Ваня» и дочь
Серебрякова отъ перваго брака — Соня. Всѣ они,
также какъ и Елена Андреевна, всю свою жизнь
были увлечены личностью Серебрякова, его
ученостью и его славой. Поселившись въ де-
ревнѣ а дядя Ваня, и Соня, совершенно отжи-
вались отъ всякой личной жизни, и всѣ
свои силы посвящали тому, чтобы сдѣлать

жизніе болѣе доходнымъ и выслать Сереб-
рякову возможно большую сумму денегъ.

Такой порядокъ существовалъ до тѣхъ поръ,
когда профессоръ не потерялъ своей надежды
и не прѣхалъ, видѣть съ женою, въ деревню
къ роднымъ, чтобы поселиться тамъ оконча-
тельно. Общая, советская жизнь, пренеполнен-
ная мелочами и всякими дряганами, сорвала въ
глазахъ дяди Вани тотъ лавровый вѣнокъ, ко-
торый такъ долго всѣ близкіе вѣнчали Сере-
брякова. Въ старости, болѣзнь и капризность
человѣкъ дяди Вани не узналъ той идеальной
личности, которой онъ поклонился такъ долго и
такъ страстно, и, конечно, тѣмъ сильнѣе было
поклоненіе, тѣмъ горше и страстнѣе высказы-
вается въ немъ разочарованіе. Къ тому же онъ
влюбленъ въ Елену Андреевну хотя безъ вся-
кой надежды на взаимность, но тѣмъ не
менѣе серьезно и глубоко. Подъ вліяніемъ
этого чувства, онъ впервые начинаетъ огляды-
ваться на свою прошлую жизнь и невольно
задается вопросомъ, стоило ли ему жертвовать
собою и сидѣть въ глуши для того, чтобы
создавать удобство и счастье Серебрякову. Его
злѣбятъ мысли, что собственное несчастье
онъ создалъ своими руками, и раздраженіе
къ профессору растетъ въ немъ параллельно
съ чувствомъ къ его женѣ.

Въ деревнѣ частымъ гостемъ Войницкихъ
является врачъ Михаилъ Львовичъ Астровъ.
Это человѣкъ и образованный, и интеллигент-
ный, личность замѣтная и влекущая къ себѣ
симпатіи. Самъ себя онъ считаетъ неудачни-
комъ и драму своей жизни видитъ въ томъ,
что онъ никого не любитъ. Въ него много лѣтъ
уже влюблена Соня, но не она ему нравится.
Его, такъ же, какъ и дядю Ваню, раздражаетъ
и дразнитъ мысль, что молодая и красивая
Елена Андреевна должна всю жизнь быть при-
старкомъ и несимпатичномъ Серебряковъ. Онъ
улекается ею, и она, не безъ нѣкоторой борьбы,
поддается его ухаживаніямъ и соглашается
прійти на свиданіе съ нимъ.

Но эта минутная слабость скоро проходитъ;
она понимаетъ, что погибнетъ, если уступить
Астрову, и рѣшается бѣжать изъ деревни. Въ
то же время озлобленіе дяди Вани противъ
профессора доходитъ до своего апогея; уз-
навъ о его намѣреніи пролѣтъ зимы и та-
кимъ образомъ разрушить весь строй ихъ
жизни, онъ упрямается въ горячихъ выраженіяхъ
Серебрякова за эгоизмъ и безсердечіе и, на-
конецъ, стрѣляетъ въ него изъ револьвера, но
промахивается. Это пошутеніе на убійство вы-
водитъ изъ нравственного столбняка всѣхъ
участниковъ деревенскаго обществія. Они при-
ходятъ къ убѣжденію, что советская жизнь
невозможна, и профессоръ съ женою уѣзжаютъ
въ Харьковъ, а дядя Ваня опять принимается
за свои обязанности управляющаго.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе
новой пьесы А. П. Чехова; оно очень напоми-
наетъ другую его пьесу, шедшую нѣсколько
лѣтъ тому назадъ на одной изъ московскихъ
сценъ, подъ названіемъ «Лѣшій». Написана
пьеса безусловно литературно, хорошими и

правильнымъ языкомъ.

Вводитъ она читателя въ міръ людей, пострадавшихъ и изнервничавшихъ до того, что трудно признать ихъ нормальными. «Дядя Ваня» — вещь очень типичная для своего автора; отличительная черта Чехова, какъ писателя, это его хмурость, его взглядъ на жизнь черезъ мессинистическую призму; одинъ изъ томовъ его сочиненій даже носитъ названіе «Хмурые люди», и это заглавіе подходитъ къ каждому произведенію г. Чехова. Въ «Дядѣ Ванѣ» эта озорная черта дарованія проходитъ съ особенной силой и яркостью. Каждое лицо, выведенное въ пьесѣ, глубоко несчастно, у всякаго въ душѣ своя и очень серьезная драма; при этомъ эти неудачи не временнаго, переходящаго характера, это не несчастный случай, который наноситъ ударъ и затѣмъ проходитъ, — напротивъ, они у чеховскихъ персонажей длаются безъ всякой надежды на какую-нибудь переизмену. Въ этомъ и положительная, и отрицательная сторона пьесы г. Чехова. Написана она настолько сильно, что производитъ большое впечатлѣніе и въ чтеніи заставляетъ задуматься надъ очень многими; при постановкѣ же на сценѣ, при воплощеніи типовъ, несомненно впечатлѣніе становится еще сильнѣе и вызываетъ въ душѣ зрителя щемившую тоску, сердечную боль и панический страхъ передъ жизнью. Несомненно, эти ощущенія сильны, въ нихъ сила заслуга автора, убѣждающаго своимъ талантомъ будить ихъ, но они слишкомъ тяжелы, — слишкомъ сгущены краски, которыми писалъ ихъ авторъ, слишкомъ тяжелой и безнадежной рисуютъ они жизнь.

Слѣдуетъ оговориться, что это упрекъ, скорѣе относящійся къ режиссеру, чѣмъ къ автору. При постановкѣ въ Художественномъ театрѣ было сдѣлано все, чтобы усилить то тяжелое впечатлѣніе, которое отчасти даетъ «Дядя Ваня» и въ чтеніи. Участвующие вели пьесу въ особенно замедленномъ темпѣ, а массы режиссерскихъ вставокъ излишне растягивали ее, и такимъ образомъ излишне долго держали зрителя подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Кромѣ того, въ некоторыхъ случаяхъ эти вставки не оправдывались нисколько стремленіемъ къ художественности впечатлѣнія. Есть въ пьесѣ сцена, гдѣ дядя Ваня стрѣляетъ въ Серебрякова, — режиссеръ Художественно-общедоступнаго театра заставлялъ въ пей участвующихъ кричать, рыдать и изображать истерику; можетъ быть, это и правдиво, но во всякомъ случаѣ и некрасиво, и не художественно, и прямо пугаетъ зрительную залу. Та же нервность, граничащая съ астеріей, и смѣхъ, и слезы были внесены въ сцену примиренія Сони съ Еленой Андреевной. Въ текстѣ «Дяди Вани» нѣтъ указаній на истерику въ сценѣ съ револьверомъ, несомненно это дополненіе режиссера и дополненіе совершенно лишнее, — сцена сама по себѣ написана сильно и поднимать ее еще искусственными средствами, намъ кажется, нѣтъ надобности и основаній.

Басаисъ игры отдельныхъ исполнителей, прежде всего слѣдуетъ сдѣлать имъ одинъ общій упрекъ именно за эту истеричность исполненія,

которой не избѣгъ никто изъ нихъ. Роль дяди Вани исполнялъ г. Вишневецкій и былъ въ ней довольно близокъ къ тишу, задуманному авторомъ. Г. Станиславскій, игравшій врача Астрова, излишне подчеркивалъ его нервность и алкоголичность; болѣе другихъ ему удалась сцена, въ которой выпившій Астровъ пьянѣетъ подъ звуку гитары, а затѣмъ трезвѣетъ и ведетъ сердечный разговоръ съ Соней; въ этой сценѣ и нервность, и тонъ подвыпившаго человѣка были уловлены, но г. Станиславскій сохранилъ ихъ напрасно и въ прочихъ актахъ пьесы.

Г. Лужскій, игравшій Серебрякова, старался какъ то особенно отчеканивать и особенно ясно выговаривать слова и буквы, такъ что нѣтъ ни даже казалось, что онъ ведетъ свою роль съ иностранскимъ акцентомъ, что совершенно не шло къ русскому профессору Серебрякову, сыну чачки, какъ упоминается въ пьесѣ.

Очень хорошо былъ г. Артемъ, игравшій небольшую роль объединѣннаго помѣщика Толкина. Артистъ выбралъ очень удачный прикидъ,

прекрасно усвоилъ себѣ изображенный типъ и производилъ впечатлѣніе и живое, и вѣрное.

Изъ исполнительницъ женскихъ ролей на первый планъ слѣдуетъ поставить г-жу Еленин-Перъ, очень удачно игравшую роль Елены Андреевны. Типъ женщины, тяготящейся своей жизнью, жены, не любящей мужа, уязвленной другими, но боящейся грѣха, страдающей полча, сдержанно, въ сея исполненіи была прокъ в вѣрнѣ.

Была бы хороша и г-жа Илина, игравшая Соню, если бы она не вносила въ свое исполненіе такую массу истеричности и нервности; это портитъ впечатлѣніе, лишало исполненіе простоты и жизненности. Тѣ нѣста роли, гдѣ артистка отрѣшалась отъ этой черты, удавались ей гораздо лучше; такъ, — заключительная сцена четвертаго акта была проведена ею прямо хорошо и трогательно.

Типична была г-жа Раевская въ небольшой роли Войницкой.

Н. М.—вѣ.

2. 4. 1908